

алекс
громов

НАРКОМ

ЖИЗНЬ ОТЕЧЕСТВУ

БЕРИЯ

Злодей
развития

Жизнь Отечеству

Алекс Бертран Громов

Нарком Берия. Злодей развития

«Центрполиграф»

2015

Громов А.

Нарком Берия. Злодей развития / А. Громов —
«Центрполиграф», 2015 — (Жизнь Отечеству)

Все основные этапы биографии Лаврентия Берии известны уже несколько десятилетий. Но происходит смещение акцентов в том или ином направлении. Для объективности в издании представлены как минимум две точки зрения. Одна основана на парадной биографии Берии, а вторая на тех документах и показаниях, которые появились после его ареста. Каждое из этих информационных направлений может быть по-своему необъективно. Но это дает возможность оценить и то и другое во всем многообразии плюсов и минусов и непредвзято взглянуть на светлые и темные стороны жизни и деяний Лаврентия Берии.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Мальчик с окраины империи	7
Глава 2. Начальник Закавказья: мятежники и мандарины	17
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алекс Громов

Нарком Берия. Злодей развития

© А. Б. Громов, текст, 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Предисловие

Прошлое обретает плоть

Почему персона Лаврентия Павловича Берии не канула в Лету – ведь многие его соратники рангом пониже, но замешанные по долгу службы в кровавых делах, известны только историкам? Кого мы знаем из руководителей сталинской госбезопасности? Ягоду, Ежова, Берию. Причем двух первых многие вспомнят с трудом. Многим ли что-то говорит фамилия Абакумов или Меркулов? И тем более Кобулов? Так почему именно Берия стал персонажем 53 фильмов и сериалов, десятков романов и документальных книг? Причем среди тех произведений, где, по разъяснениям авторов и убежденности публики, просматриваются его черты, есть культовые вещи, что называется, из первой десятки, вроде «Покаяния» и «Трудно быть богом».

Почему он просто не забыт как один из тех, кому история де-факто вынесла свой приговор? Почему получается так: меняются времена, меняется Берия? Продолжаются споры о масштабах его разврата (одновременно с нарастающим убеждением, что Лаврентий Палыч, перефразируя слова Высоцкого, «был маршал разведки и отличный семьянин»). Все основные этапы его биографии известны уже несколько десятилетий. Но происходит смещение акцентов в том или ином направлении. Можно ли Лаврентия Павловича назвать верным оруженосцем Сталина?

И почему не произошла не совсем официальная, но все же полуреабилитация Берии? И одновременно неизбежно находятся люди, выступающие за полную реабилитацию «великого маршала». Трудно представить, какие трансформации произойдут с образом Лаврентия Павловича Берии за следующие пятьдесят лет...

Для объективности в издании представлены как минимум две точки зрения. Одна основана на парадной биографии (и в том числе автобиографии) Берии, а вторая – на тех документах и показаниях, которые появились после его ареста. Каждое из этих информационных направлений может быть по-своему необъективно. Но попытка оценить и то и другое во всем многообразии плюсов и минусов дает возможность непредвзято взглянуть на светлые и темные стороны жизни и деяний Лаврентия Берии, на его возвеличивание и стремительное падение.

Берия не был типичным руководителем спецслужб – он являлся и умелым хозяйственником, и талантливым администратором. Возможно, именно поэтому смог долгое время избегать участи своих предшественников, возглавлявших НКВД...

Глава 1. Мальчик с окраины империи

Известна ли его родословная?

Лаврентий Павлович Берия появился на свет 29 (а по старому стилю – 17) марта 1899 года в небольшом горном селении Мерхеули, расположенном неподалеку от Сухуми, – через село пролегла Военно-Сухумская дорога, связывающая город с Кодорским ущельем. Родителями Лаврентия были Павел Хухаевич Берия (1872–1922) и Марта Виссарионовна (Ивановна) Джакели (1868–1955). До наших дней не дошло никаких воспоминаний ни самого Берии, ни его друзей детства, ни сверстников. Кстати, там же в Мерхеули, только два года спустя после Берии, родился Михаил Александрович Лакербай – один из родоначальников абхазской советской литературы.

Позже появились воспоминания Серго, сына Берии, в которых тот рассказывал о деде Павле: «Остались в памяти черная дедова бурка, башлык да еще рассказы о нем самом, человеке чрезвычайно трудолюбивом и деятельном».

Небогатые родители Лаврентия Берии были мингрелами, представителями одной из грузинских этнических групп, причем Марта по происхождению являлась дворянкой, состоявшей в дальнем родстве с уважаемыми в тех краях князьями Дадиани, владевшими Мингрелией до 1803 года, когда признали себя вассалами Российской империи. Через шестьдесят четыре года после этого уступивший права России на свои владения (официально – упразднена автономия) князь Николай Дадиани получил от российского императора Александра II Освободителя потомственный титул светлости и фамилию князя Мингрельского. Кроме того, князья Дадиани были в родстве с грузинским царским домом Багратионов. Но это очень дальние родственные отношения со знатными родами Грузии не принесли в дом родителей Лаврентия Берии богатства. Род самой Марты, Джакели, относился к началу XX века к небогатым, а простой крестьянин Павел Берия с детства привык жить в бедности (существует версия о том, что он в молодости участвовал в одном из восстаний против царизма), и поэтому Марте приходилось подрабатывать швейей.

Впрочем, существуют и другие точки зрения на происхождение Лаврентия Павловича.

«Отец Берия, Павлэ Берия, был бандит и содержатель домов терпимости. В 1912 году в г. Потти, на Черном море, содержал пивное заведение с женщинами-проститутками. Одновременно он возглавлял бандитскую шайку. Он заманивал простаков, награбленное клал себе в карман, а случайных он предавал в руки полиции. Брат Павла Берия в 1917 году был убит в Сухуми как провокатор и агент полиции. Берия, будучи студентом Высшего технического института в Баку, не мог не быть агентом охраны. Его окружение – воры, бандиты и агенты иностранной агентуры. Принят был в Тифлисе аджарец по имени Дурсун, в прошлом бандит, а потом агент Турции. И этот Дурсун – доверенное лицо Берия. В 1928/29 гг. второй Мучдусси Хачик, бывший сотрудник НКВД Армении, он в 1921 г. передал дашнакам две тысячи человек. В Эчмиадзине (Армения) все члены Коммунистической партии и активисты были расстреляны, а Мучдусси как глава подпольной организации остался жив. Мучдусси вошел в доверие советской власти и стал работником ЧК, во время восстания его оставили руководителем подпольной организации. Конечно, как агента иностранной разведки никто не знал, кроме дашнаков, ставленниками которых был Мучдусси. Мучдусси предал всех, а сам укрылся. Когда же Тер-Габриельян С. М. стал председателем СНК Армении, он разогнал всех подозрительных лиц» (из письма А. В. Качмазова Г. М. Маленкову от 10 июля 1953 г.).

Хотя в ходе судебного процесса 1953 года над Лаврентием Берией ему не было предъявлено обвинение в сокрытии своего дворянского (кулацкого) происхождения, в части последующих публикаций о его семье статус отца с «бедняка» был повышен до «средняка». От первого брака у овдовевшей Марты остались сын и дочь, о которых по причине бедности Марты заботился и воспитывал ее брат Дмитрий. В браке с Павлом Берией родилось еще трое детей. Первенец прожил только два года и скончался от оспы. Лаврентий был вторым ребенком. Третьим была Анна, которая после перенесенной болезни осталась глухонемой. Поэтому родители Лаврентия могли рассчитывать только на то, что средний сын выберется из нужды и поможет родственникам. Не сохранилось подробных и достоверных сведений об отношениях Лаврентия с отцом и матерью в детстве и юности. Да и вообще о юношеских годах Берии мало что известно, кроме вышеупомянутого. Но есть неофициальные сведения, что он, как говорится, с младых ногтей был юношей не только расчетливым, но и умеющим отдавать команды и, что самое главное, заставлять сверстников их выполнять.

Чтобы надежды родителей могли сбыться, Лаврентий должен был сначала получить образование. Отцу пришлось продать половину дома, чтобы заплатить за учебу Лаврентия, которого отдали в Сухумское реальное училище. Тот не подвел родителей и в пятнадцать лет окончил училище с отличием. Но этого оказалось мало, и для того, чтобы Лаврентий смог продолжить обучение в Бакинском механико-строительном техническом училище, его отцу пришлось продать вторую половину того самого дома. С тех пор семья перебралась в оставшуюся в их владении хибару.

Рассказу о бедных родителях, продавших дом, чтобы попытаться вывести в люди единственного сына, сопутствует и другая легенда. Согласно ей, Берия рос настолько умным и неординарным мальчиком, что деньги на оплату его обучения собирали вскладчину все жители родного селения.

Практически герой народного эпоса! Ну, или кто-то вроде д'Артаньяна... Так начиналась мифологизация его образа.

Юность и учеба в Баку. Инженер или архитектор? Что заставило Берию увлечься марксизмом

По словам самого Лаврентия, он уже с семнадцати лет зарабатывает на кусок хлеба не только себе, но и своей матери и младшей глухонемой сестре, переехавшим к нему в Баку. В это время Берия, продолжая обучение в училище, зарабатывал на жизнь, работая практикантом главной конторы нефтяной компании Нобелей (Товарищество нефтяного производства братьев Нобель), занимавшейся нефтедобычей и нефтепереработкой в Баку, пока не была в 1920 году национализирована большевиками.

Известно, что в юности Лаврентий любил рисовать, а позже увлеклся архитектурой. Зато имеются сведения, когда он занялся революционной деятельностью – по словам самого Берии (указанным в автобиографии, датированной 27 октября 1923 года), в октябре 1916 года шестнадцатилетний Лаврентий при участии других студентов Бакинского технического училища организовал нелегальный марксистский кружок и занял в нем ответственную должность казначея. В этом просуществовавшем до Февральской революции кружке студенты тайком читали запрещенную литературу, которую потом и обсуждали на своих тайных сборищах. А вот уже в марте 1917 года, по собственным словам Берии, им при помощи товарищей была организована в училище настоящая большевистская ячейка. Таким образом, спустя шесть лет после описываемых событий начинающий функционер советской власти утверждал, что он де-факто стал членом партии большевиков еще до того, как она пришла к власти, ибо, как позже в Германии после прихода Гитлера к власти, особым уважением пользовались «старые бойцы» или по крайней мере те, кто стал членом правящей партии до ее официальной победы.

Но сказать, насколько сильно этот самый марксистский кружок юного Лаврентия отличался от «тайных обществ», создаваемых мальчишками в разных концах мира во все времена, конечно, более чем затруднительно. Когда Берия был всемогущим, оспаривать его предреволюционные заслуги вряд ли кто-то осмеливался, а после падения «лубянского маршала» количество навешанных на него грехов и преступлений было столь необъятным, что стало не до марксистского кружка последней предреволюционной осени...

Берия на первой мировой войне

В июне 1917 года Лаврентий Берия в качестве техника-практиканта армейской гидротехнической школы командирован в Одессу, а позже – на Румынский фронт, на котором в июле 1917 года начались активные боевые действия, связанные с июльским наступлением, задуманным А. Ф. Керенским и другими членами Временного правительства с целью разгрома Германии. В боях основное участие принимала румынская армия, воевавшая на стороне России, к 8 сентября 1917 года Румынский фронт стабилизировался.

Лаврентий Берия служил в городе Пашкани, расположенном на северо-востоке Румынии в важном железнодорожном узле (также упоминается его работа в лесном отряде села Негулешты).

Уже через три с половиной десятка лет то самое вступление практикантом в гидротехнический отряд и пребывание на фронте, в то время как большевики выступали против продолжения империалистической войны, было поставлено Лаврентию Павловичу в вину. Генеральный прокурор Советского Союза Роман Андреевич Руденко, ведший следствие по делу Л. П. Берии, однажды задал ему коварный вопрос: «Как могло случиться, что вы, будучи членом партии с марта 1917 года, в июне этого года добровольно вступили практикантом в гидротехническую организацию и выехали в Одессу? Было ли это поступление согласовано вами с партийной организацией?» В ответ Берия привел формальное оправдание: «Что я поступил в эту организацию, Цуринов¹ знал, но я ни с кем из партийной организации этого не согласовывал...»

Вел ли на Румынском фронте Берия революционную работу, ту самую антивоенную агитацию, которой тогда занимались большевики? Данных об этом нет, не считая того, что Берия, по его собственным словам, был избран председателем отрядного комитета, и часто принимал участие в проходивших в то время в Одессе митингах солдат, матросов и рабочих. Но зато имеется другая причина, более прозаическая, которой можно было и объяснить поездку Берии. Ему нужно было завершить образование в техническом училище, а для этого по тогдашним правилам надо было, как и в Советском Союзе, пройти производственную практику, без которой Берия не мог получить диплома.

Далее, как это часто случается и в дальнейшей биографии Берии, следует две версии объяснения возвращения Берии в Баку. Согласно первой, он отправился на родину осенью после развала Румынского фронта. В реальности после Октябрьской революции Румынский фронт стал разваливаться, и 3 декабря (по новому стилю) 1917 года командующий фронтом генерал-адъютант Щербачев начал с согласия французских военных представителей на фронте переговоры о перемирии с командованием австро-германских войск. Перемирие было заключено через пять дней, а в середине декабря Румынский фронт фактически прекратил свое существование. Некоторая часть солдат покинула боевые позиции еще раньше.

Согласно другой версии, Лаврентий Берия покинул Румынский фронт потому, что был комиссован по болезни.

---

¹ Упомянутый в документах студент училища, являвшийся наряду с Берией создателем той самой большевистской ячейки в училище. (Здесь и далее примеч. авт.)

Революция как поворотная точка его судьбы. Берия – участник большевистского подполья в Азербайджане

В ходе своей недолгой военной службы Берия сблизился с большевиками, представлявшими в армии в то время реальную силу, и с февраля 1918 года принялся за работу в Бакинской городской организации большевиков и секретариате Бакинского Совета рабочих депутатов. Так прошло восемь месяцев. После разгрома в сентябре 1918 года Бакинской коммуны турецкими войсками при участии азербайджанской социалистической партии «Мусават», выступавшей за национальную независимость Азербайджана и против советской власти, Берия остался в городе. В автобиографии он так описывает этот период деятельности: «Начиная с 1917 года, в Закавказье я вовлекаюсь в общее русло партийно-советской работы, которая перебрасывает меня с места на место, из условий легального существования партии (в 1918 г. в г. Баку) в нелегальные (19 и 20 гг.) и прерывается выездом моим в Грузию».

Но Советской республике были жизненно необходима бакинская нефть, и поэтому помимо формирования сильной Волжско-Каспийской флотилии и сухопутных частей в Баку велась и деятельность подпольщиков, делавших все для возвращения в Азербайджан советской власти.

Командующим Кавказским фронтом Красной армии в январе 1920 года стал один из самых лучших военачальников – Михаил Николаевич Тухачевский. Через два месяца Реввоенсовет фронта получил телеграмму от В. И. Ленина: «Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичными и удостовериться максимально в подготовке твердой местной Советской власти. То же относится и к Грузии, хотя к ней относиться советую еще более осторожно». В разработке плана захвата Баку принимали участие М. Н. Тухачевский и С. Орджоникидзе, а среди исполнителей был назначенный 31 июля 1919 года командующим Волжско-Каспийской военной флотилией Федор Федорович Раскольников. Ему ставилась задача «произвести в районе ст. Алят десант небольшого отряда, который должен быть выделен распоряжением командарма 11-й армии. Быстрым налетом овладеть в Баку всем наливным флотом, не допустить порчи нефтяных промыслов». Поводом для начала боевых действий, а точнее говоря – вторжения войск в Азербайджан, было появившееся 28 апреля обращение Бакинского ревкома за помощью к Совнаркому РСФСР. Но уже за несколько часов до этого события, ранним утром 27 апреля, четыре бронепоезда с десантом в составе двух стрелковых рот и руководителей компартии Азербайджана под руководством Анастаса Ивановича Микояна отправились в путь. В результате рейда в Баку на территории Азербайджана была установлена советская власть.

Что же касается Берии, то с октября по январь 1919 года он работал в Баку простым конторщиком на заводе «Каспийское товарищество Белый Город». Затем он закончил учебу и получил диплом. По его собственным словам, «в связи с началом усиленных занятий в техническом училище и необходимостью сдать некоторые переходные экзамены я вынужден был бросить службу. С февраля 1919 г. по апрель 1920 г., будучи председателем комячейки техников, под руководством старших товарищей выполнял отдельные поручения райкома, сам занимаясь с другими ячейками в качестве инструктора...».

Наверное, это и был первый знаковый момент его жизни – время выбора между жизнью мирного инженера и службой тому странному конгломерату нарождающейся новой государственности и бурной революционной стихии, который в тот момент представляла собой советская власть.

Двойной агент: служба в контрразведке при Комитете государственной обороны Азербайджана. Версии истинной роли Берии в этот момент

И тут всплывает один из первых фактов в деятельности Берии, позже вызвавший множество споров, появление разных версий и документов, как обвинительных, так и оправдательных. После окончания училища член большевистского подполья в Баку Лаврентий Берия поступил на службу в контрразведку тогдашнего мусаватистского антисоветского правительства Азербайджана. Было ли это предательство, в котором обвиняли Берия противники и в 30-х годах, и на процессе 1953 года?

Сам Лаврентий Павлович о том, что он служил во вражеской контрразведке, сведений не скрывал, что, в частности, отмечено в той самой автобиографии, датированной 1923 годом: «Осенью того же 1919 года от партии Гуммет² поступаю на службу в контр разведку, где работаю вместе с товарищем Муссеви. Приблизительно в марте 1920 года, после убийства товарища Муссеви, я оставляю работу в контрразведке и непродолжительное время работаю в Бакинской таможне». Из контекста этого сообщения становится ясно, что в контрразведке Берия работал как тайный большевистский агент и вынужден был спешно покинуть службу в контрразведке после разоблачения и гибели своего сообщника.

Являлся ли Берия законспирированным большевистским агентом, действовавшим в контрразведке врага по поручению старших революционных товарищей? В архивах имеется один любопытный документ: служебная записка одного руководителей ЧК–ГПУ в 1919–1920 гг. – заместителя начальника Особого отдела ВЧК, а в 1926–1928 гг. – руководителя Закавказского ГПУ Ивана Петровича Павлуновского. В этой официальной бумаге, датированной 25 июня 1937 года и предназначенной лично И. В. Сталину, рассказывалось о том, что перед своим назначением на должность руководителя Закавказского ГПУ он имел беседу с шефом ГПУ Ф. Э. Дзержинским, во время которой «...т. Дзержинский сообщил мне, что один из моих помощников по Закавказью т. Берия при мусаватистах работал в мусаватистской контрразведке. Пусть это обстоятельство меня ни в какой мере не смущает и не настораживает против т. Берия, так как т. Берия работал в контрразведке с ведома ответственных т.т. закавказцев и что об этом знает он, Дзержинский и т. Серго Орджоникидзе». Помимо этого, в тексте документа была ссылка и на более поздние свидетельства о Лаврентии Берии – со стороны Серго Орджоникидзе, ведь Павлуновский был заместителем наркома тяжелой промышленности СССР, являвшегося наркомом до самой своей смерти. По словам Павлуновского, «в течение двух лет работы в Закавказье т. Орджоникидзе несколько раз говорил мне, что он очень высоко ценит т. Берия, как растущего работника, что из т. Берия выработается крупный работник и что такую характеристику т. Берия он, Серго, сообщил и т. Сталину... Года два тому назад т. Серго как-то в разговоре сказал мне: а знаешь, что правые уклонисты и прочая шушера пытаются использовать в борьбе с т. Берия тот факт, что он работал в мусаватистской контрразведке, но из этого у них ничего не выйдет. Я спросил у Серго, а известно ли об этом т. Сталину. Т. Серго Орджоникидзе ответил, что об этом т. Сталину известно и что об этом он т. Сталину говорил».

Берия, которому в момент написания этой записки было всего тридцать восемь лет, еще не был широко известен, и тем более – среди старых большевиков. Самому Павлуновскому, имевшему в 1927 году конфликт с Лаврентием Павловичем, пришлось после этого оставить Закавказье. В том самом кровавом 1937 году, как и многие старые большевики, Павлуновский был арестован и 29 октября 1937 года был приговорен к смертной казни, приведенной в исполнение через несколько часов на печально известном полигоне Коммунарка.

---

² На тот период – легальная азербайджанская партия, поддерживавшая отношения с членами большевистской партии.

Но есть еще одна версия, омского историка Михаила Ефимовича Бударина, в которой говорится о том, что Павлуновский после вынесения смертного приговора находился в заключении еще три года. В период, когда Берия стал наркомом внутренних дел Советского Союза, по его личному приказу Павлуновского отправили в специальную камеру, наполненную водой. Она ему доходила до самой головы. Вскоре арестант подписал признательные показания и был расстрелян.

Кому именно оказался особо не нужен старый большевик, сибирский чекист Павлуновский, в послужном списке которого среди прочих дел было пленение барона Унгерна и смертный приговор командиру знаменитого женского батальона Марии Бочкаревой? Сталину, который тоже не любил тех, кто мог оспорить его дореволюционную значимость? Или все-таки Берии, который с первого момента совместной работы его откровенно возненавидел, и, скорее всего, взаимно? Узнать о Берии что-то очень опасное он вряд ли мог успеть – не так долго работал в Закавказье, и вдобавок не пользовался симпатиями сослуживцев. Так Меркулов хоть и списывал основные интриги против Павлуновского на Лаврентия Павловича, но признавал, что тот не понимал и не хотел учитывать местных условий. Хотя есть версия, что именно благодаря своему незнанию местного менталитета Павлуновский заметил то, что остальным не бросалось в глаза...

Агент-нелегал в Грузии, арест, удачное освобождение

После прихода советских войск в апреле 1920 года в Баку Берия, по его собственным словам, был командирован в недружественную Советской России Грузинскую Демократическую Республику, где и занялся нелегальной деятельностью в качестве уполномоченного Кавказского крайкома РКП(б) и регистрационного отдела Кавказского фронта при Реввоенсовете 11-й армии. Но на этот раз «засланный казачок» Берия был вскоре после своего приезда в Тифлис арестован, а затем освобожден с требованием в трехдневный срок покинуть территорию страны. По словам самого Берии:

«С первых же дней после Апрельского переворота в Азербайджане³ краевым комитетом компартии большевиков от регистра⁴ Кавказского фронта при РВС 11-й армии командуюсь в Грузию для подпольной зарубежной работы в качестве уполномоченного. В Тифлисе связываюсь с краевым комитетом в лице тов. Амаяка Назаретяна, раскидываю сеть резидентов в Грузии и Армении, устанавливаю связь со штабами грузинской армии и гвардии, регулярно посылаю курьеров в регистрод г. Баку. В Тифлисе меня арестовывают вместе с центральным комитетом Грузии, но согласно переговорам Г. Стуруа с Ноем Жордания⁵ освобождают всех с предложением в 3-дневный срок покинуть Грузию».

Далее возникает одна из многочисленных загадок в биографии Берии: на каких условиях он был освобожден из-под стражи? Существует версия, о которой поведал в августе 1953 года следствию Шалва Несторович Беришвили, грузинский эмигрант, который до того, как после окончания Второй мировой войны был схвачен советскими спецслужбами, обитал в Париже.

Его дядей был Ной Виссарионович Рамишвили – первый министр-председатель правительства Грузинской Демократической Республики и министр внутренних дел, с 24 июня 1918 года являвшийся министром внутренних дел республики в правительстве Ноя Жордания. По словам Ш. Беришвили:

«...Когда однажды, в 1928 или 1929 году, я и мой дядя Ной Рамишвили... прочитали в тбилисской газете «Коммунист» (а газету мы выписывали) о назначении Берии на какую-то

---

³ Имеется в виду занятие Баку советскими войсками.

⁴ Регистрационного, т. е. разведывательного отдела.

⁵ Тогдашним руководителем грузинского правительства.

должность, то Рамишвили вспомнил в моем присутствии об аресте Берии в 1920 году меньшевистским правительством. Рамишвили сказал, что Берия был арестован начальником особого отряда Меки Кедия в 1920 году, когда Берия из Баку приехал в Грузию по какому-то заданию от большевиков. Рамишвили тогда же сказал мне, что Берия после ареста все рассказал ему о своих заданиях и связях. Я удивился, а Рамишвили велел мне напомнить об этом, когда к нему придет Кедия Меки. Последний к нам вообще приходил часто.

Когда к нам пришел Меки Кедия, то мы спросили его об аресте Берии в 1920 году и о том, как Берия вел себя на допросах. Кедия подтвердил, что Берия после ареста плакал и всех выдал, после чего был освобожден».

Но в дальнейшем грузинские меньшевики, оказавшиеся в эмиграции, так и не опубликовали никаких достоверных материалов, доказывающих, что арестованный Лаврентий Берия выдал грузинской охранке грузинских подпольщиков. А ведь среди тех, кто был казнен и отправлен в Сибирь в 1924 году по приказу Берии, наверняка были родственники членов бывшего грузинского правительства меньшевиков. Почему же они не воспользовались случаем отомстить своему смертельному врагу Берии? Может, потому, что достоверных документов у них на руках не было?..

Кроме того, существует и протокол допроса Л. П. Берии от 16 июля 1953 года. В нем содержатся следующие вопросы Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко и соответствующие ответы Берии:

«ВОПРОС: При каких обстоятельствах вы были арестованы в Грузии в 1920 году?

ОТВЕТ: Первый раз я был арестован весной или летом в 1920 году в Тифлисе, где я находился по заданию регистра XI армии. Был задержан в здании ЦК большевиков, куда я был вызван Назаретяном, который был одним из руководителей ЦК. Особый отряд меньшевистский еще до моего прихода оцепил здание ЦК. Вход туда был свободным, а выход – нет. Всех нас задержали в этом здании около суток, а затем всех освободили. Части из задержанных предложили покинуть Тифлис, что предложили мне – я не помню, может быть, тоже покинуть Тифлис. Со всеми нами, в том числе и со мной, вел разговор какой-то сотрудник этого меньшевистского отряда, протокола допроса не велось.

Спустя некоторое время из Тифлиса я выехал в Азербайджан как дипкурьер посольства РСФСР и при возвращении обратно в Грузию по заданию регистра был задержан на границе пограничными особыми отрядами меньшевистского правительства. Был доставлен в Тифлис и, несмотря на мои протесты о незаконности ареста, так как являлся дипкурьером, меня все же через несколько дней отправили в Кутаисскую тюрьму. Перед направлением в Кутаисскую тюрьму в результате моих протестов явились представители посольства РСФСР Андреев и Белоусов, которым я вручил все документы и деньги, которые при мне находились. Они мне заявили, что посольство РСФСР опротестовало мое задержание перед министром иностранных дел грузинского меньшевистского правительства.

ВОПРОС: Фамилия Пунке вам известна?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Кто был начальником регистра XI армии?

ОТВЕТ: Начальником был Тарасов, был ли Пунке начальником регистра XI армии – не помню, может быть после.

ВОПРОС: При аресте при переходе границы у вас было отобрано удостоверение на шелку, подписанное начальником регистра XI армии?

ОТВЕТ: Нет, ничего у меня не было отобрано.

ВОПРОС: Вам известна также фамилия Нечаев?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания бывшего резидента разведывательного управления Кавказского фронта в Закавказье Нечаева:

«В 1920 году я работал окружным резидентом разведывательного управления (регистрода) Кавказского фронта в Закавказье. В зону моей деятельности, наряду с другими районами, входила и меньшевистская Грузия. Во второй половине 1920 года в мои руки попала грузинская меньшевистская газета, издававшаяся в Тифлисе, в которой в качестве большой сенсации сообщалось об аресте органами Министерства внутренних дел меньшевистского правительства Грузии «большевистского агента» Л. П. Берия с рядом изобличающих его данных. Я хорошо помню, что в этом сообщении приведен был полный текст найденного при Берия секретного удостоверения на шелку о том, что предъявитель его является сотрудником регистрода XI армии. Хорошо также помню, что на этом удостоверении стояла известная мне подпись начальника регистрода XI армии Пунке.

Опубликование этих материалов о Берия как о советском агенте было актом политической диверсии, рассчитанной на компрометацию Советской России, которая только недавно, установив дипломатические отношения с меньшевистским правительством Грузии, одновременно ведет против него подрывную работу, засылая в Грузию своих военных агентов. Учитывая, что других подобных случаев широкого оповещения о поимке советского агента тогда не было, хотя фактически в руки грузинской разведки попадали наши товарищи, можно с основанием предположить, что все это имело явно преднамеренный характер и в этом случае такая полная расшифровка могла иметь место только со «своим» для меньшевистской разведки человеком...

Вызывает подозрение тот факт, что в упомянутых выше опубликованных меньшевиками агентурных документах фигурировала фамилия именно Берия Л. П., в то время как обычно в таких случаях применялась вымышленная фамилия (кличка)».

Подтверждаете это?

ОТВЕТ: Я ничего не знаю».

Итак, по словам самого Берии, оставшись незаконно в стране после трех дней, данных ему на отъезд, был под фамилией Лакербая принят на работу в представительство РСФСР, руководимое Сергеем Мироновичем Кировым. Затем в мае Берия отправился обратно в Баку, где должен был получить директивы в связи с подписанием Московского договора. 7 мая 1920 года в Москве был подписан договор между РСФСР и Грузией, гарантирующий Грузинской Демократической Республике независимость в обмен на обещание не давать убежища войскам сил, враждебных Советской республике. Для Советской республики, в то время ведущей тяжелую войну с Польшей и в дальнейшем планировавшей «советизацию» Грузии (среди инициаторов этого плана были Киров и Орджоникидзе), договор лишь откладывал начало военных действий против Грузинской Демократической Республики.

Согласно договору, правительство Грузии отпустило из тюрем значительную часть большевиков, ранее выступавших против его власти. Освобожденные революционеры сформировали Коммунистическую партию Грузии, которая, несмотря на заявленную ей формальную независимость, действовала (и финансировалась) под руководством Кавказского бюро РКП(б), в свою очередь являвшегося исполнителем воли В. И. Ленина и его соратников. Члены Коммунистической партии Грузии развернули подпольную деятельность, направленную против правительства страны, в которой входили меньшевики. Один из них, уже упомянутый Ной Рамишвили, министр внутренних дел, отдал приказ об аресте наиболее активных грузинских коммунистов, выступавших против грузинского правительства. В ответ полномочный посол РСФСР Сергей Киров выразил протест от имени правительства РСФСР, и правительства Грузии и РСФСР обменялись нотами. Этот спор так и не был разрешен и дипломатическим путем, и в результате правительство Советской республики развернуло пропаганду против меньшевистского правительства Грузии, которое обвинило в незаконных репрессиях против местных коммунистов и, кроме того, в организации препятствий прохождению конвоев в Армению и также помощи различным антисоветским восстаниям, вспыхивающим в этот период на Север-

ном Кавказе. Но и грузинское правительство тоже не осталось в стороне: в свою очередь, оно обвинило Москву в том, что ее эмиссары организуют на ее территории антигосударственные выступления (преимущественно – среди представителей этнических меньшинств, в том числе – абхазов и осетин), а также – в частых провокациях на границе с Азербайджанской ССР, де-факто контролируемой Москвой.

Поэтому неудивительно, что в такой непростой обстановке одной из жертв русско-грузинского конфликта стал Лаврентий Берия, арестованный на обратном пути во время своего возвращения из Баку. Несмотря на советский паспорт и заступничество полномочного посла РСФСР Сергея Кирова, Берия не был освобожден, а, наоборот, отправлен в Кутаисскую тюрьму, славившуюся на весь Северный Кавказ своими жестокими порядками. В ней Лаврентий провел более двух месяцев. В августе находившиеся в ней политические заключенные начали голодовку, и, не желая очередного витка обострения отношений с Москвой, большевики из Кутаисской тюрьмы (среди которых был и Берия) были освобождены и в августе того же года высланы из Грузии в Баку.

Прошло несколько месяцев, и в феврале 1921 года вспыхнула с надеждой ожидаемая грузинскими коммунистами советско-грузинская война (среди тех, кто высказался за ее подготовку, были Сталин и Троцкий, а Ленин поначалу колебался), поддержанная и действиями грузинских подпольщиков, – своевременно начались восстания местных рабочих и крестьян, а также представителей нацменьшинств на территории республики.

Сценарий начала советского вмешательства был стандартным, практически ничем не отличающийся от азербайджанских событий – 16 февраля 1921 года ревком Грузии во главе с Ф. И. Махарадзе провозгласил Грузинскую Советскую Республику и сразу же направил в Москву просьбу об оказании военной помощи. В ответ части Красной армии в этот же день пересекли южную границу Грузии.

24 февраля правительство Грузинской Демократической Республики было вынуждено эвакуироваться в Кутаиси, на следующий день в Тбилиси вошли советские войска. В городе разместился Грузинский ревком, преобразованный в этот же день в СНК Грузинской ССР. Но тут пока еще существующему грузинскому правительству меньшевиков ультиматум предъявила Турция, претендуя на часть территории. Лишь 7 марта 1921 года в Кутаиси состоялось заключение перемирия между Грузией и РСФСР, которое со стороны правительства Грузинской Демократической Республики подписал министр обороны Григол Лордкипанидзе, а с советской стороны – полномочный представитель Авель Енукидзе. На следующий день было подписано соглашение, передающее Батуми, контролирующийся грузинской армией, частям Красной армии. Члены бывшего грузинского правительства меньшевиков на итальянском судне покинули территорию страны.

Много позже была опубликована данная в 20-х годах комиссией ЦК компартии Грузии характеристика Берии, в которой, в частности, говорилось: «В тюрьме не подчинялся постановлениям парторганизации и проявлял трусость. К примеру: не принимал участия во времени объявления голодовки коммунистов». Но не стоит забывать, что в то время Берия вел ожесточенную борьбу за власть (в том числе – личную) на Кавказе и недоброжелателей в Грузинской компартии (и тем более – в ГПУ) у него хватало. Кроме того, сразу после освобождения из тюрьмы, уже в столице Азербайджана, Берия сразу получил новое ответственное назначение – управляющим делами ЦК компартии Азербайджана. Вряд ли это было возможно, если бы Берия в заключении проявил себя как трус или нерадивый исполнитель воли партии большевиков...

Снова в Баку

В качестве управляющего делами ЦК компартии Азербайджана Берия проработал до поздней осени (точнее – октября) 1920 года, после чего, согласно написанной им автобиографии:

«Центральным комитетом назначен был ответственным секретарем Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих. Эту работу я и т. Саркис (председатель комиссии) проводили в ударном порядке вплоть до ликвидации Комиссии (февраль 1921 года). С окончанием работы в Комиссии мне удалось упросить Центральный Комитет дать возможность продолжить образование в институте, где к тому времени я числился студентом (со дня его открытия в 1920 году). Согласно моим просьбам ЦК меня посылает в институт, дав стипендию через Баксовет. Однако не проходит и двух недель, как ЦК посылает требование в Кавбюро откомандировать меня на работу в Тифлис, своим постановлением назначает меня в Азчека заместителем начальника секретно-оперативного отдела (апрель 1921 года) и вскоре уже – начальником секретно-оперативного отдела – заместителем председателя Азчека».

Глава 2. Начальник Закавказья: мятежники и мандарины

Деятель нового времени: на стезе спецслужб

Молотов вспоминал: «В кабинете Ленина я встречал молодого Берия: давал информацию по Кавказу, наверно, достоверную, иначе Ленин бы не имел с ним дела». Далее более чем на десятилетие Берия за ступень ступень поднимается по лестнице чекистской карьеры. Поначалу Лаврентию Павловичу удавалось, будучи заместителем начальника секретно-оперативного отдела, а потом – начальником секретно-оперативного отдела, в течение почти двух лет совмещать ответственную работу с учебой в Бакинском политехническом институте (прежде Бакинском училище). Нам ничего не известно об успехах Берии на ниве институтского познания, но вот на ниве партийной и чекистской деятельности деяния Берии были замечены – в 1923 году Лаврентий Павлович получил от одного из высших советских руководителей Закавказья, секретаря ЦК Азербайджанской компартии Рухуллы Ахундова такое удостоверение-характеристику:

«Удостоверение сие дано ответственному партийному работнику тов. Берии Л. П. в том, что он обладает выдающимися способностями, проявленными в разных аппаратах государственного механизма... Работая управделами ЦК Азербайджанской компартии, чрезвычайным уполномоченным регистра Кавказского фронта при реввоенсовете 11-й армии и ответственным секретарем Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих, он с присущей ему энергией, настойчивостью выполнял все задания, возложенные партией, дав блестящие результаты своей разносторонней деятельности, что следует отметить как лучшего, ценного, неутомимого работника, столь необходимого в настоящий момент в советском строительстве...»

Прошло пятнадцать лет, и написавший Берии эту лестную характеристику Рухулл Ахундов, до ареста являвшийся начальником Управления по делам искусств при Совнарком Азербайджана, был расстрелян.

Спустя несколько месяцев Лаврентию Павловичу была выдана и другая, не менее достойная характеристика, на этот раз подписанная первым секретарем Закавказского крайкома партии А. Ф. Мясниковым. В ней были следующие строки: «Берия – интеллигент... Заявил себя в Баку как способный чекист на посту заместителя председателя ЧК Азербайджана и начальника секретно-оперативной части. Ныне начсот⁶ Грузинской ЧК».

Впрочем, о деятельности Берии в руководстве закавказских органов есть и другое мнение. Так, историки, авторы многочисленных научных работ по истории отечественных органов госбезопасности, А. М. Плеханов и А. А. Плеханов приводят следующие факты: «...В 1921 г. в Баку работала комиссия по ревизии деятельности органов ВЧК Украины и Северного Кавказа во главе с М. С. Кедровым. Она установила многочисленные нарушения законности со стороны Берии. После дополнительного разбирательства и уточнения обстоятельств дела Берии (обвинявшегося в превышении полномочий и фальсификацию уголовных дел) в декабре 1921 г. Ф. Э. Держинский вызвал Берзина и вручил ему ордер на арест Берии. Для задержания и ареста Берии был выделен наряд из 4 человек. За несколько часов до прибытия поездка из Баку Ф. Э. Держинскому позвонил И. В. Сталин и, сославшись на поручительство А. И. Микояна, попросил не применять строгих мер к Берии. Главным ходатаем за Берию

---

⁶ Сокращение расшифровывается как «начальник секретно-оперативной части».

выступил Г. К. Орджоникидзе». Но спустя годы Михаилу Сергеевичу Кедрову, руководителю той проверки, в годы Гражданской войны занимавшему ответственный пост начальника Военного отдела, а позже – Особого отдела ВЧК, а том самом 1921 году являющегося членом коллегии ВЧК, пришлось еще раз столкнуться с Лаврентием Берией. Летом 1937 года М. С. Кедров, занимавший должность старшего научного сотрудника Нейрохирургического института, был арестован. Несмотря на избиения на допросах в Лефортовской тюрьме НКВД, так ни в каких антигосударственных и антипартийных деяниях не признался. Уже после начала Великой Отечественной войны, 9 июля 1941 года, состоялось судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством диввоенюриста М. Г. Романычева, в составе военюриста первого ранга А. А. Чепцова и В. В. Буканова.

Находившийся четыре года под следствием М. С. Кедров был оправдан, но так и не освобожден из заключения – согласно личному распоряжению Л. П. Берии, занимавшему на тот момент пост народного комиссара внутренних дел СССР. Через три месяца, 27 октября 1941 года, по личному приказу Берии М. С. Кедров вместе с другими заключенными был отправлен под конвоем в расположенный в Куйбышевской области поселок Барбош, где и был без суда и следствия расстрелян на следующий же день⁷.

М. С. Кедрова реабилитировали посмертно 4 августа 1954 года, а еще спустя год Н. С. Хрущев во время своего знаменитого доклада на XX съезде КПСС о культе личности Сталина прочел письмо М. С. Кедрова, отправленное руководству страны.

«Из мрачной камеры Лефортовской тюрьмы взываю к вам о помощи. Услышите крик ужаса, не пройдите мимо, заступитесь, помогите уничтожить кошмар допросов, вскрыть ошибку.

Я невинно страдаю. Поверьте. Время покажет. Я не агент-provokator царской охраны, не шпион, не член антисоветской организации, в чем меня обвиняют, основываясь на клеветнических заявлениях. И никаких других преступлений в отношении Партии и Родины я никогда не совершал. Я не запятанный ничем старый большевик, честно боровшийся (без малого) 40 лет в рядах Партии на благо и счастье народа...

...Теперь мне, 62-летнему старику, следователи угрожают еще более тяжкими и жестокими и унижительными мерами физического воздействия. Они уже не в состоянии осознать своей ошибки и признать незаконность и недопустимость своих поступков в отношении меня. Они ищут оправдания им в изображении меня злейшим, неразоружающимся врагом и настаивая на усилении репрессии. Но пусть знает Партия, что я невиновен и никакими мерами не удастся верного сына Партии, преданного ей до гроба жизни, превратить во врага.

Но у меня нет выхода. Я бессилен отвести от себя надвигающиеся новые, тяжкие удары.

Всему, однако, есть предел. Я измотан вконец. Здоровье подорвано, силы и энергия иссякают, развязка приближается. Умереть в советской тюрьме с клеймом презренного предателя и изменника Родины – что может быть страшнее для честного человека. Какой ужас! Беспредельная горечь и боль сжимают судорогой сердце. Нет, нет! Это не случится, не должно случиться, кричу я. И Партия, и Советское правительство, и нарком Л. П. Берия не допустят свершиться той жестокой непоправимой несправедливости.

Убежден, что при спокойном, беспристрастном расследовании, без отвратительной ругани, без злобы, без жутких издевательств, необоснованность обвинений будет легко установлена. Я глубоко верю, что правда и справедливость восторжествуют. Я верю, верю».

После Хрущев заявил: «Старого большевика т. Кедрова Военная коллегия оправдала. Но, несмотря на это, он был расстрелян по распоряжению Берии».

Вряд ли какие-то сведения о событиях далекого 1921 года могли повредить всемогущему наркому спустя двадцать лет, да еще в условиях начавшейся войны... Но старый большевик и

---

⁷ Согласно другой информации – расстрелян 1 ноября 1941 года.

один из руководителей ВЧК – ГПУ – ОГПУ М. С. Кедров, как и его сын И. М. Кедров, старший лейтенант госбезопасности, расстрелянный в феврале 1939 года, не были нужны Берии, предпочитавшему иметь в составе подведомственных органов в первую очередь своих доверенных лиц...

Возвращаясь к Закавказскому периоду чекистско-гепэушной деятельности Берии, можно отметить, что хвалебная часть информации о нем содержится и в его автобиографии. В ней Лаврентий Павлович без лишней скромности утверждал, что отличился при ликвидации мусульманской организации «Иттихад», которая, по словам Берии, «насчитывала десятки тысяч членов. Далее – разгром Закавказской организации правых эсеров, за что ГПУ (ВЧК) своим приказом от 6 февраля 1923 г. за № 45 объявляет мне благодарность с награждением оружием⁸. Итоги той же работы отмечены Совнаркомом АССР в своем похвальном листе от 12 сентября 1922 г. и в местной прессе. Работая в Азербайджанской чека, одновременно состою председателем Азмежкома⁹ с VII – 1921 г. по XI – 1922 г. Затем в комиссии ВЭС¹⁰ и в комиссии по обследованию ревтрибунала. По партийной линии состою прикрепленным от БК АКП 14 к рабочим ячейкам, а позже для удобства – к ячейке ЧК, где состою членом бюро, бывал избираем почти на все съезды и конференции АКП, состоял также членом Бакинского Совета». 12 сентября 1922 года Совнарком Азербайджана, отмечая многочисленные заслуги Л. П. Берии, которого переводили на работу в Грузинское ЧК, наградил на прощание (но на этой земле Лаврентия Павловича еще не раз вспомнят!) похвальной грамотой.

В Грузинской ССР, входившей в состав Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, Берия осенью 1922 года занял пост руководителя секретно-оперативной части и одновременно занял должность заместителя начальника Грузинского ЧК (позже преобразованного в ГПУ, Главное политическое управление). Было тогда Лаврентию Павловичу всего двадцать три года. По меркам Российской империи он занимал должность заместителя начальника губернского жандармского управления, обладатель которой носил уже полковничьи (в крайнем случае – подполковничьи) погоны, являясь при этом одной из самых уважаемых (точнее – значимых) персон в своей губернии. Берия непосредственно руководил самой секретной и значимой структурой, в функциональные обязанности которой входило не только разработка оперативных мер против врагов (в том числе – и потенциальных) советской власти, но и контроль за настроениями масс и отчасти – представителей местной элиты.

Как и прежде, сам Берия, продолжающий оставаться незаменимым источником информации о собственной деятельности, так отмечает свои труды в автобиографии: «Принимая во внимание всю серьезность работы и большой объект, отдаю таковой все свои знания и время, в результате в сравнительно короткий срок удается достигнуть серьезных результатов, которые сказываются во всех отраслях работы: такова ликвидация бандитизма, принявшего было грандиозные размеры в Грузии, и разгром меньшевистской организации и вообще антисоветской партии, несмотря на чрезвычайную законспирированность. Результаты достигнутой работы отмечены Центральным Комитетом и ЦИКом Грузии в виде награждения меня орденом Красного Знамени».

Подавление восстания в Грузии в 1924 году

Орден Красного Знамени СССР Лаврентию Павловичу дали за организацию беспощадного подавления на территории Грузии восстания меньшевиков, в котором приняли участие многие родственники прежней элиты страны, лишившейся власти после ввода в Грузию Крас-

---

⁸ Именной револьвер системы «Браунинг».

⁹ Азербайджанская междуведомственная комиссия.

¹⁰ Высший экономический совет.

ной армии. Существующие версии разгрома восставших разительно отличаются между собой. Но в августе 1924 года в Грузии началось новое восстание, которое было жестоко подавлено. Под руководством Л. П. Берии начались крупномасштабные репрессии. В мемуарах сын Берии Серго¹¹, ссылаясь на воспоминания отца, так описывал случившееся:

«В 1924 году отец, заместитель начальника Грузинской ЧК, узнает, причем заблаговременно, о том, что готовится меньшевистское восстание. Учитывая масштаб будущих выступлений, отец предлагает любыми политическими мерами предотвратить кровопролитие. Орджоникидзе¹², в свою очередь, передает его информацию в Москву. Ситуация тревожная: разведке достоверно известно, что разработан полный план восстания, готовятся отряды, создаются арсеналы. Выступления вспыхнут по всей республике, и пусть они в действительности не будут носить характера всенародного восстания, но выглядеть это будет именно так.

Отец понимал, что эта авантюра изначально обречена на провал, на большие человеческие жертвы. Необходимы были энергичные меры, которые бы позволили предотвратить кровопролитие. И тогда он предложил пойти на такой шаг – допустить утечку полученной информации. Его предложение сводилось к тому, чтобы сами меньшевистские руководители узнали из достоверных источников: Грузинская ЧК располагает полной информацией о готовящемся восстании, а следовательно, надеяться на успех бессмысленно. Орджоникидзе, видимо получив согласие Москвы, не возражал: в той непростой обстановке это было единственно верным решением. Но меньшевики этой информации не поверили и расценили ее всего лишь как провокацию...

В Грузию был направлен один из лидеров меньшевистского движения, руководитель национальной гвардии Джугели. О его переброске отец узнал заблаговременно от своих разведчиков и, разумеется, принял меры: Валико Джугели был взят под наблюдение с момента перехода границы. Но всего лишь под наблюдение – арестовывать одного из влиятельных лидеров меньшевиков не спешили. Само пребывание Джугели в Грузии решено было использовать для дела. По своим каналам отец предупредил Джугели, что для Грузинской ЧК его переход границы не секрет и ему предоставлена возможность самому убедиться, что восстание обречено на провал.

К сожалению, и эта информация была расценена как провокация чекистов. Джугели решил, что ГрузЧК просто боится массовых выступлений в республике и неспособна их предотвратить, поэтому пытается любыми средствами убедить меньшевистское руководство в обратном.

Джугели все же был арестован, но из-за досадной случайности – его опознал на улице кто-то из старых знакомых, и его официально задержали. Уже в тюрьме Джугели ознакомился с материалами, которыми располагала разведка ГрузЧК, и он написал письмо, в котором убеждал соратников отказаться от выступления. Ни за границей, ни в самой Грузии к нему не прислушались. Восстание меньшевики все же организовали, но, как и следовало ожидать, армия его подавила, а народ понес бессмысленные жертвы, которые вполне можно было избежать. Если бы Орджоникидзе вмешался, кровопролития еще можно было не допустить, потому что в первые же часы все руководители восстания были арестованы, склады с оружием захвачены. По сути, армия громила неуправляемых и безоружных людей...»

Вероятно, попытка обезглавить и тем самым предотвратить восстание Берии и его подчиненным не удалась. Бои продолжались больше двух недель, в течение которых мятежники сумели захватить Сухуми, Батуми и Кутаиси, и даже подойти к окрестностям Тбилиси. Но после подхода свежих частей Красной армии, оснащенных боевой техникой, повстанцам пришлось отступить. Часть из них успела в первые дни сентября эвакуироваться на судах из Бакин-

---

¹¹ Берия С. Мой отец – Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994.

¹² В то время первый секретарь Закавказского РКП(б).

ского порта в Турцию, другие попытались скрыться. Многие участники восстания, схваченные с оружием в руках или просто укрывавшие восставших, были расстреляны сразу же, без всякого суда и следствия, другие были отправлены в концлагеря. Так, в некоторых источниках приводится цифра казненных грузин (среди которых были дворяне и интеллигенция) с 29 августа по 5 сентября – 12 578, а более двадцати тысяч человек было отправлено в ссылку в Сибирь. В своем выступлении в Москве, посвященном разгрому восстания, Серго Орджоникидзе заявил: «В массовых расстрелах мы немного переборщили, но с этим уже ничего не поделаешь».

Одно из лиц социализма

После победы большевиков им пришлось делать многократные попытки выстраивания деловых отношений с Европой. В книге американского историка М. Дэвид-Фокса (начавшего изучать русский язык и нашу страну более тридцати лет назад) «Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921–1941 годы» дается анализ этого, одного из самых динамичных и противоречивых, периода отечественной истории. Развертывание судебных процессов над «врагами народа» сопровождалось расширением контактов с западными странами. При этом преследовалось сразу несколько целей – советская элита заботилась не только о том, чтобы сформировать на Западе положительный образ державы, но привлечь на свою сторону сочувствующих. Но многие иностранцы (в том числе делегаты проходившего в 1927 году Конгресса друзей СССР) хотели познакомиться с изнанкой советской действительности и желали посетить и советские тюрьмы, причем – не значившиеся в заранее заготовленных и утвержденных маршрутах. Примером является стенограмма беседы второй бельгийской рабочей делегации с председателем ГПУ Грузии товарищем Берией 1 ноября 1927 года. Делегаты конгресса встречались с Берией после того, как посетили исправительное учреждение в Тбилиси, и поэтому ряд заданных ими вопросов не были ни наивными (иначе говоря – одураченными советской пропагандой), ни подобранно парадными. Так, Берии задавали вопросы о том, почему заключенные жаловались делегатам на то, что их после ареста длительное время держат в заключении безо всякого предъявления обвинений. В ответ Берия категорически отрицал даже такую возможность, но после того, как ему делегаты назвали конкретные фамилии тех, кто им на это пожаловался, Берия обещал проверить. Помимо этого, у него спрашивали, почему заключенные содержатся в «плохих гигиенических условиях». Под этим подразумевалось, что трое (а порой и пятеро) арестантов содержались в небольшой камере, имевшей площадь 10 квадратных метров. Берия, внимательно выслушав, объяснил плохие условия содержания узников «наследием» царского режима. Один из бельгийских делегатов задал «провокационный» вопрос: что произойдет с меньшевиками, если они решатся выступить на митинге с критикой? Будут ли они арестованы и осуждены?

Но помимо необходимой бумажной волокиты и встреч с наиболее важными агентами, а также исполнения представительских функций Берии приходилось и исправлять чужие ошибки, безжалостно карая недовольных.

«Коммунисты – как волки для нас»

В Закавказье после установления советской власти еще долгое время было беспокойно – вспыхивали локальные восстания, и к тому же многие местные революционеры, идейные и карьеристы, не получившие желаемого, проявляли скрытое недовольство, и сотрудникам Берии приходилось вести за ними наблюдение, а порой – и принимать жесткие меры.

В марте 1929 года в Аджарии в Хулинском уезде вспыхнуло восстание. Оно началось из-за того, что местные власти решили закрыть медресе и заставить всех местных мусульма-

нок снять чадру – как пережиток прежних буржуазных суеверий. Берия, по его собственным словам, был против такого категорического вмешательства в жизнь суеверных крестьян. Да и сами восставшие, не имевшие никакой поддержки извне (особенно – мусульманской Турции), могли рассчитывать лишь на то, что руководители советской Аджарии, испугавшись массового выступления народа, пойдут на попятный и отменят свое непопулярное (а вернее – оскорбительное) решение. Не случайно самыми распространенными среди мятежных крестьян лозунгами были: «За чадру», «Против закрытия медресе», «За религию». Кроме того, в Закавказье началась борьба с кулаками, а под это определение мог попасть любой зажиточный крестьянин (и даже – середняк), и поэтому восставшие требовали «сменить уездных работников», «дать лес крестьянам» и «отменить госстрахование».

Несмотря на то, никакие политические лозунги восставшими не выдвигались, мятеж был признан антисоветским и политическим, попавшим под юрисдикцию ГПУ. Поэтому с самых первых дней Берия приехал на место событий, чтобы принять надлежащие меры по скорейшей ликвидации восстания.

Основным документом, в котором подробно изложен как ход восстания, так и меры по его разгрому, является докладная записка Л. П. Берии, представленная 6 апреля 1929 года своему непосредственному начальнику, руководителю Закавказского ГПУ Станиславу Францевичу Реденсу (являвшемуся к тому же свояком Сталина): «Согласно решения совещания ЦК КП(б)Г выехал в Батум, куда я прибыл 9 марта в 4 часа. Из беседы с находящимися здесь товарищами – зам. пред. АдГПУ т. Меркуловым и зав. Агитпропом обкома т. Асатиани, замещающего секретаря обкома т. Панухова, ввиду отсутствия последнего, выясняется следующая предварительная картина того, что происходило и происходит в Хулинском уезде Аджаристана... Нелепую попытку вооруженного выступления нужно считать ликвидированной. Чрезвычайно важно сейчас глубже взглянуть на происшедшие события и попытаться дать анализ причин их возникновения и роста...

Во время нашего пребывания в пораженных районах мы постоянно вели разъяснительную кампанию, стремясь избежать ненужного кровопролития, стараясь успокоить население, вернуть бежавших в горы и леса крестьян обратно в села и выяснить путем допросов захваченных в плен повстанцев и бесед как с их «делегациями», так и другими товарищами подоплеку всего происшедшего, выяснить, какие причины заставили крестьян взяться за оружие.

Нами установлено с ясностью, не допускающей возражений, что причины «Хулинского инцидента» в ряде мероприятий партийных и советских органов Аджаристана, которые оказались оторванными от крестьянской массы и не сумели достаточно верно оценить как настроения отдельных прослоек, так и ряд объективных условий быта и жизни аджарского крестьянина.

В ряду этих причин основная заключается в нажиме, под которым проводилась кампания по снятию чадры. Выяснено, что в ряде случаев вместо создания благоприятной обстановки для добровольного снятия чадры уездные органы власти применяли метод угроз, арестов и насилий.

С кампанией по снятию чадры совпали по времени: закрытие медресе и мектебе¹³, выборы Советов и «активизация» женщин в связи с приближением дня 8 марта.

Такая «нагрузка» оказалась не под силу аджарскому крестьянину. В результате всего этого блок кулацких и антисоветских элементов с муллами и ходжами сумел на религиозно-бытовой почве подчинить своему влиянию основные массы крестьянства – бедняков и середняков – и таким образом создать единый фронт против мероприятий Советской власти...

---

¹³ Мектебе – мусульманская начальная школа.

Коммунисты и комсомольцы иногда держали себя вызывающе. По показаниям крестьян, многие из партийцев не здоровались с населением при встречах, запрещали называть себя «товарищами» («Какой я тебе товарищ»), смеялись над религией и т. д.

В результате в январе месяце мы имели в том же Хулинском уезде выступление женщин, которые в числе до 200 человек избили учителя. Репрессии, проведенные после этого случая (арест 22 человек), заставили крестьянство смириться и «добровольно» снимать чадру. Всеаджарский съезд женщин-аджарок, постановивший снять чадру, внешне прошел блестяще. Однако в период пребывания женщин на съезде в Батуме был допущен ряд бестактностей. Делегатов водили на оперетту и в балет. Зрелище обнаженных по ходу оперетты женщин на сцене в глазах мужей аджарцев превращалось в символ разврата, который царит в Батуме и от которого аджарскую женщину спасет чадра – честь. Снять чадру – значит обесчестить женщину. Некоторые аджарцы уводили своих жен из театра во время действия.

Чрезвычайно характерно, что из всех уездов Аджаристана именно в Хулинском уезде мы имеем наибольшее количество случаев снятия чадры (3500), а из всех теми¹⁴ Хуло этим особенно выделяется Чванское.

Не подлежит никакому сомнению, что эти высокие цифры получены в результате административного нажима, ибо иначе это явление, ввиду особой некультурности Хуло, необъяснимо.

Поэтому, когда к 8 марта стали в Хулинском уезде проводить выборы женщин-гостей на Всеаджарский съезд Советов, крестьянство решительно воспротивилось... По директиве секретаря укома тов. Каландадзе в семье Концелидзе за неявку на собрание были арестованы 5 мужчин (показания самого Концелидзе). Темские власти вызывали к себе ненависть населения.

В Схалатинском теми были случаи, когда заставляли аджарцев приводить на собрание своих больных жен на спине...

Ошибки в налоговой политике (переобложение), имевшие место в прошлом году и ныне исправленные, по показаниям крестьян, приучили их критически относиться к мероприятиям власти.

Нередки были случаи снижения налога с 200 рублей до 50 и т. д. Крестьяне заявляли: «Если бы мы сами не принимали мер к снижению, нам так бы и пришлось платить по 200 рублей». Отсюда вывод: крестьянство само должно защищать свои интересы.

Большое недовольство вызвало к себе госстрахование. Не столько само по себе, сколько система усиленного взимания очередных взносов и систематическое запаздывание в выдачах премий за павший скот.

Поэтому в Чванах выборы женщин происходили в уже созданной указанными моментами напряженной обстановке. Поведение партийцев, приехавших 7/III для проведения выборов, отнюдь не способствовало разряжению сгущенной атмосферы. Они, по многочисленным показаниям, заявили, что если мужья не приведут женщин на собрание, будут применены репрессии, что правительство намерено силою снимать чадру, и т. д. 50 крестьян окружили приехавших товарищей, стали их избивать.

Активное участие в этом принимали группа Абдула Такидзе, влиятельного кулака села Дуз-Чвана, вместе с бандитами Изетом Чигаидзе и Одабаш-оглы... Странники этой группы немедленно после избияния разошлись по селам Чванского теми поднимать население и призывая его к вооруженной борьбе за «веру и обычай».

Часть крестьянства шла более или менее охотно, будучи распропагандирована раньше, другая часть шла потому, что «все соседи выступили».

Общее состояние района, хотя и представлялось гораздо более удручающим, чем во время январского выступления женщин, однако могло бы разрешиться миром, если бы этому

---

¹⁴ Теми – местные сельсоветы.

не помешал бы ряд новых обстоятельств... В руки вооруженных крестьян попали несколько членов правительства, ряд ответственных работников и некоторые представители местной власти, один вид которых разжигал скрытую ненависть поднявшихся крестьян.

Члены правительства с товарищами были окружены в доме Абдуллы Такадзе, с группой сторонников науськивавшего толпу на них, а с другой стороны обещавшего спасти пленников... Нужно откровенно признать, что поведение захваченных членов правительства, в частности, председателя СНК тов. Мамеда Гогоберидзе, внедряло в сознание повстанцев мысль, что правительство слабо, что стоит только сильнее нажать на него, и все требования крестьян будут выполнены, и что, в сущности говоря, повстанцы правы в своих претензиях. М. Гогоберидзе выступил перед повстанцами с заявлением, что он сам против снятия чадры и закрытия медресе, что он по этому вопросу выступал в Батуме, но что его не послушали, и т. д. Недопустимое для члена правительства и коммуниста поведение».

С. Ф. Реденс на тексте доклада своего заместителя начертил свою заключительную резолюцию: «Настоящий доклад, объясняющий с точки зрения ГПУ Грузии причину событий в Аджаристане, а также и выводы, настолько исчерпывающий, что специального доклада по этому вопросу ЗакГПУ давать не будет, вполне солидаризуясь с этим докладом».

Берия и Реденс: кто кого?

Отдельный вопрос – отношения самого Берии и Реденса. Сын Реденса Владимир в своих мемуарах¹⁵ так оценивал отношение Берии к своему отцу: «Сильному, хитрому и прожженному интригану Берии, рвущемуся к большой власти, Реденс – человек дзержинской закалки – был совершенно не нужен в качестве начальника, он был ему опасен. Причем опасен вдвойне, ибо мой отец, породненный семьями со Сталиным, имел к нему прямой доступ.

Свалить Реденса по деловым качествам Берия было не под силу, и тогда он обращается к приему, которым он мастерски пользовался всю свою жизнь, – нужно человека скомпрометировать. В этом Берия был непревзойденный профессионал.

Мать мне потом рассказывала, что отцу было непросто работать в Грузии... Особенно ему досаждали частые застолья и обильные возлияния. Пить он не любил и всячески старался этих застолий избегать. Но в один прекрасный день, где-то под Новый год, Берия со своими людьми хорошенько напоили отца, раздели его и в таком виде пустили пешком домой. «Шуточка» удалась. После этой «шалости» работать в Закавказье на посту полномочного представителя ОГПУ и председателя ГПУ отец уже не мог. В начале 1931 года Реденса переводят в Харьков и назначают председателем ГПУ Украины... отец ценил деловые и организаторские способности Берия и даже полагал, что он может возглавить ГПУ Закавказья. Об этом говорится даже в его письме к Г. К. Орджоникидзе». На самом деле перевод Реденса на Украину был повышением, да и судьбу своих родственников Сталин обычно решал лично. При этом родство со Сталиным не спасало от репрессий: большинство родственников его первой и второй жены, Сванидзе и Аллилуевы, попали в тюрьмы и лагеря либо были расстреляны. Помимо личных причин, имел значение и культ личности – у тоталитарного вождя самым близким родственником должна быть Родина. Наиболее наглядно эту концепцию реализовал в Третьем рейхе Адольф Гитлер. Родственники, кроме самых близких, должны были исчезнуть, уйти в тень с исторической сцены. Поэтому вряд ли можно объяснить сведением личных счетов тот факт, а именно что явившийся первым заместителем народного комиссара внутренних дел СССР Берия 20 ноября 1938 года подписал ордер на арест Реденса. Через пять дней Берия получил назначение наркомом внутренних дел СССР.

---

¹⁵ Аллилуев В. Хроника одной семьи. М.: Молодая гвардия, 1995.

Берия – серьезный аналитик

Возвращаясь к теме Аджарского восстания, надо отметить, что Лаврентий Павлович проявил и незаурядные аналитические способности, отметив в той самой докладной записке на имя Реденса, что «корни развернувшихся событий кроются не только и не столько в анти-советской работе элементов, издавна враждебных существу Советской власти, сколько, главным образом, в извращении линии партии при проведении советских мероприятий и в ряде объективных причин... Положение основной массы аджарского крестьянства в материальном отношении крайне незавидно. Главным бичом аджарца является малоземелье. Если взять Хулинский уезд, наибольший из уездов Аджаристана, являвшийся непосредственной аренной выступлением, то здесь на каждое хозяйство в среднем приходится 0,77 га посевной площади и 0,51 га сенокосной площади. Норма невероятно мизерная. С этого клочка земли каждое хозяйство, состоящее в среднем из 7 душ, должно прокормиться в течение года.

В связи с крайним малоземельем большое значение в бюджете аджарского крестьянина занимают скотоводство и лесной промысел... В Хулинском районе, например, насчитывается свыше 45 000 голов скота, что составляет на каждое хозяйство в среднем по 11 голов... До 1926/27 года пользование пастбищами в Аджаристане производилось бесплатно. Затем была установлена оплата в размере 40–50 копеек за голову крупного рогатого скота и 12,5 – 15 копеек за голову мелкого скота. Эта плата при всей ее незначительности, тем не менее, является достаточно чувствительной для бюджета крестьянина, так как доходность хозяйства его, благодаря применению отсталых форм и культур, весьма незначительна...

Вследствие хищнического истребления леса таяли с невероятной быстротой. С установлением Советской власти вопрос упорядочения лесного хозяйства был поставлен в надлежащую плоскость. Вся площадь лесов была разбита на 2 части, из которых 50 процентов были объявлены лесами госзначения с установлением соответствующей плановой системой эксплуатации, а остальная площадь передана в ведение крестьянства. Естественно, что в связи с этим доходность крестьянства уменьшилась. Ценный лес из государственных угодий стал отпускаться за плату, причем некоторым категориям крестьян с известной льготой... Все же крестьянство весьма недовольно этой реформой, и во всех требованиях повстанцев мы находим пункт о бесплатном отпуске леса...

Валовая доходность крестьянского хозяйства, по исчислению Аджарского Госплана, определялась в 1927 – 28 году суммой 323 рубля в год. По Хулинскому уезду она еще меньше и достигает цифры в 290 рублей. В то же время по минимальному хозсчету Госплана, прожиточный минимум средней крестьянской семьи в Аджаристане равен сумме в 554 рубля в год. Следовательно, в среднем каждое хозяйство имеет дефицит в своем бюджете на сумму 264 рубля в год, т. е. 49 процентов... Если же принять во внимание, что громадное большинство крестьянских хозяйств Аджаристана относится к бедняцким (70 процентов всех хозяйств освобождены от налога), то все бедственное положение аджарского крестьянства станет более понятным... Каждое стихийное бедствие или недород обрекает его на голод... Естественно, что в связи с этой нуждой появляется недовольство властью, усиленно муссируемое кулацкими элементами».

Самому описанию непосредственно подавления восстания Берия уделил меньше внимания: «При первом же появлении воинских частей участники выступления, за небольшим исключением, разошлись по домам почти без всякого сопротивления, и дело обошлось самыми незначительными жертвами. Повстанцы боя не принимали и при первых выстрелах разбежались в разные стороны. Часть из них (около 200 человек) во главе с вожаком Али Султан Болквандзе ушла в Турцию. Уже на другой день, 25. III, все движение было ликвидировано. Общее количество убитых у нас 8, у повстанцев около 30 человек, раненых – 10 у нас и около 30 у

повстанцев». Виноватыми в мятеже чекист Берия считал не сколько малограмотных крестьян, сколько руководство Хулинского уезда: «Все имеющиеся материалы показывают, что поведение довольно значительной части партийцев и комсомольцев во время важнейшей кампании по перевыборам Советов и борьбе с религиозно-бытовой косностью... послужило одной из причин для возникновения выступления... Кратковременные аресты, угрозы и насилия часто сопровождали кампанию по снятию чадры и закрытию медресе. Все это естественно вызывает открытое и явное недовольство широких крестьянских масс, еще больше усугубленное тем, что сами партийцы и комсомольцы не выполняли того, что проводили...

Во время проведения кампании по снятию чадры коммунисты, комсомольцы и их семьи не только не давали должного примера массе, но, наоборот, сплошь и рядом способствовали срыву кампании и росту недовольства тем, что, не снимая чадры своих жен, заставляли это делать других...

Слабость партийной и комсомольской организации, отсутствие политического чутья у руководящей верхушки, отрыв их от всей остальной массы крестьянства и резкое пренебрежительное отношение к ним явились важнейшими причинами той ненависти, которую стали питать крестьяне к компартии вообще. «Коммунисты – как волки для нас», – говорили повстанцы в своих речах...

Часть партийцев, чтобы избежать побоев и сохранить свою жизнь, примкнула к повстанцам, даже возглавила их небольшие отряды, другая, оставшаяся более или менее верной партии, подверглась гонениям и арестам среди повстанцев». Помимо этого, Берия в своем докладе дал анализ роли мусульманского духовенства. Из текста доклада можно сделать однозначный вывод, что Лаврентий Павлович предлагал партийному руководству не бороться с уже вспыхнувшими мятежами, а предупреждать их, впрочем, не меня поставленных из Москвы целей и задач: «При отсутствии мероприятий по партийной и советской линии, все мероприятия ГПУ не достигнут цели, и те причины, которые лежат в основе имевшего место вооруженного выступления, искоренены не будут». С точки зрения будущего руководителя республики это было более эффективно и приводило к меньшим потерям, как экономическим, так и людским.

Берия и Троцкий

22 января 1924 года Берия посетил Льва Давыдовича Троцкого, находившегося на лечении в Сухуми (решение о предоставлении ему отпуска по состоянию здоровья было принято на высшем партийном уровне еще в декабре 1923 года), и сообщил ему о необходимости так или иначе публично высказаться по поводу смерти Ленина.

Л. Д. Троцкий, занимавший пост председателя Реввоенсовета (не считая других, менее значимых должностей), отправился в Сухуми 16 января 1924 года. Через пять дней умирает В. И. Ленин. Троцкий на похоронах не присутствует и позже обвиняет Сталина в том, что тот сообщил ему неправильную дату похорон. Между тем в донесении Берии (Сухуми входил в подведомственную ему, представителю ГПУ, территорию) Сталину говорится, что Троцкий во время похорон Ленина был серьезно болен и поэтому не смог даже выступить перед народом, рассказав об этой страшной потере. Троцкий смог только написать статью о смерти вождя мирового пролетариата, которая и была прочитана по радио.

Берия также доложил и о содержании разговора с Троцким, в котором тот категорически отвергал возможность раскола среди коммунистов.

Когда впервые Сталин, еще не будучи вождем, узнал о Лаврентии Берии? Может быть, после того, как началась первая схватка за власть сразу после смерти Ленина? Когда Берия выбрал сторону Сталина...

зам. председателя Грузинской ЧК Берии
Ягоде о посещении Троцкого в связи с кончиной Ленина.

Передать тов. Ягоде для срочной передачи
тов. Сталину или Орджоникидзе

22 января посетили тов. Троцкого и сообщили ему наше мнение о том, что ему в какой бы то ни было форме необходимо высказаться в связи со смертью Ильича. Болезнь не дала возможность ему выступить на открытом собрании. Написал статью, которую мы передали по радио. В беседе с нами т. Троцкий, между прочим, сказал следующее: он не верит в возможность какого бы ни было раскола в нашей партии. Политический уровень нашей партии, даже молодой ее части, высок. Во всяком случае, если что-либо и было возможно, это не будет с его стороны. Последние слова он повторил 4 раза. В общем, он не мыслит раскола партии. По его мнению, предстоящий партийный съезд разрешит все насущные вопросы нашего хозяйства и практические вопросы смычки с крестьянами. По его мнению, предстоящая весна будет решающая в вопросе о взаимоотношениях с крестьянами.

Международное положение он считает формально благоприятным, однако этот вопрос ставит в зависимости от внутреннего положения нашего Союза. Тов. Троцкий считает, что его последняя брошюра подверглась незаслуженным нападкам, ему приписывается то, о чем по существу он не писал. Смерть Ильича сильно подействовала на него. Он считает, что в данный момент особенно необходима сплоченность. Он считает, что партия окажется достойной того, кто эту партию создал. Ленина может заменить только коллектив. Чувствует себя т. Троцкий неважно.

У нас создана центральная комиссия в составе Гогоберидзе, Рубена и Курулова. Дали соответствующие директивы Уезд-комам ко дню похорон быть готовым к демонстрации с представителями крестьян от уездов. Выехала делегация в составе Думбадзе, Болквадзе, Тодрия и Аракела, Гогоберидзе, Рубен и Курулов.

23/1-24 г. Зампредчека *Берия*».

Но впоследствии имя Троцкого стало как раз символом такого раскола. Разумеется, следует учитывать эффект пропаганды.

По мере нарастания темпов сплошной коллективизации росло и недовольство крестьян, интеллигенции в городах. Именно этим воспользовались все немногочисленные еще уцелевшие антисталинские группировки. Но противопоставить реальной силе ГПУ им было нечего, кроме изготовления и раздачи листовок и другой наглядной пропаганды. Сотрудниками грузинского ГПУ были изъяты в Тифлисе 27 апреля 1930 года более двухсот листовок, изготовленных троцкистами. Их пламенный текст, обращенный к тифлисским рабочим, гласил: «Аппаратная бюрократия захватила власть. Рабочий больше не хозяин своей страны... Даже если пятилетка будет выполнена, это только укрепит строй бюрократии. Рабочие останутся ни с чем. Не нужно поддаваться обману... Сейчас различные части бюрократии, сталинцы, правые, борются друг с другом. Все они, не говоря уже о меньшевистской и прочей сволочи, хотят воспользоваться недовольством в рабочей массе... Сознательные рабочие, глубже усваивайте неисполненное завещание Ленина, чтобы разобраться во всех уловках и маневрах правительственных аппаратчиков... Да здравствует диктатура пролетариата не на словах, а на деле!»

Через девять дней, докладывая руководству Закавказской федерации о настроениях трудящихся Эриванского и Ленинанканского округов, испытывавших в тот момент нехватку продовольствия, Берия отметил и появившиеся там слухи о Троцком: «В селении Гейгумбет местными троцкистами ведется провокация о том, что «Красная Армия больше не в состоянии противостоять бандам, и в Нахкране она сдалась бандитам... Троцкий собрал 6000 аскеров из Турции и перешел на сторону дашнаков, и скоро дашнаки во главе с Троцким будут в Армении. Вдохновителем последней провокации явился бывший руководитель группы троцкистов

Акуппорян». Разумеется, высланный из СССР, но пока еще не лишенный советского гражданства, Лев Троцкий в сопровождении вооруженных турок к границам Советского Союза и не выдвигался, но обстановка в голодном Закавказье и без того была напряженной...

В Закавказье сохранились и немногочисленные сторонники Троцкого – так в документах Закавказского ГПУ упоминалась группировка братьев Агаларовых, работавших в Азернефти и выражавших недовольство курсом большевистской партии: «Почему такого вождя, как Троцкий, исключили из партии. Сейчас руководит партией кучка бандитов». На этой сводке начертан оргвывод, сделанный Берией: «Пришло время убрать их (братьев) с фабрики». Позже, уже став всесильным наркомом, Берия пришлось заняться организацией физического устранения Троцкого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.